

Жанна Даниленко

МЕЧТА

УДК 82-3
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниленко Ж.**
Мечта / Жанна Даниленко – М.: Литнет, 2026. – 264 с.

ISBN 978-5-521-99431-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛО-
ГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОН-
НЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕН-
НУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Таков закон большого риска -
И ты судьбе не прекословь.
Нас подлость опускает низко,
А поднимает нас Любовь.
...И на краю обрыва стоя,
За шаг до полной пустоты
Мы обретаем крылья Веры,
Что нас несут в страну мечты...
Неизвестный автор

Любовь выглядит как отношения, но начинается в глубоком одиночестве.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99431-1

© Литнет, 2026
© Ж. Даниленко, 2026

Нелепая встреча

Я шла домой со школы. Задумалась. А думать было о чем: я поссорилась с подружкой из-за резинки для волос. Вот глупость полнейшая, а она со мной не разговаривает. И проблема всего лишь в том, что она вчера просила не надевать на хвост черную резинку, а мама меня заплела и, конечно, надела черную, хотя я ей говорила и просила, но слушала она уж больно рассеянно и так всегда, вот говоришь ей, говоришь, а услышит одно слово и делает выводы, а речь-то не о том.

И с резинкой так же услышала – черная, вот ее и взяла, а я тоже хороша, знаю ведь свою маму. Ну сказала бы наоборот – красная, и не было бы никакого конфликта. А Настя закатила скандал, потом подговорила девчонок, и они со мной, с Машей, не разговаривали весь день, а еще говорили между собой, что от меня плохо пахнет и хихикали. Знаете, как обидно? Я же ничего плохого им не делаю, а все шишки всегда на меня. И за что, и почему – никак не пойму. Просто потому, что так Настя хочет. Настя у нас в классе самая главная. Это она сама решила, что она главная, и все девчонки ей поверили, да и мальчишки, пожалуй, тоже. Только я не поверила, вот теперь страдаю. Потому, что Настя может подговорить со мной не разговаривать, и все не разговаривают. Как сегодня. Может подговорить, подножку поставить, а я рассеянная и спотыкаюсь, падаю. А все смеются.

Наконец уроки в школе закончились, и я спешила домой. На душе скребли кошки от обиды.

Я уже подходила к своему дому. На первом этаже уютно расположились бутики, один из них – со свадебными платьями. Мои глаза как будто вросли в одно из них. Как в мечтах, как в сказках, как могло только присниться! Какая это была красота! Вот просто необыкновенная красота! И какая расцветка: вроде бы белое, но с нежно-ро-

зовым отливом сверху, потом отлив исчезал и плавно переходил в голубой, нежно-голубой, так что край юбки был совсем голубой. Я смотрела и смотрела, забыв об одной-единственной ступеньке, конечно, я не подняла ногу, конечно, споткнулась и рухнула вперед...

Как было больно! Колени и то, что ниже, – просто выли отдельно от тела, а еще ладошки. Я перекатилась и села прямо на асфальт. Ладонки – в грязных царапинах, а колени – одна кровоточащая рана. Колготки порваны, носки туфель поцарапаны и слезы на щеках.

– Что ж ты под ноги не смотришь?! – услышала я красивый мужской голос.

– Я засмотрелась на витрину, – всхлипывала я.

– Замуж хочешь? – он почти смеялся.

– Нет, но так красиво. Я думала...

– Красиво, наверно... Встать можешь? Нехорошо девочке вот так на холодной земле сидеть. Руку давай.

Я протянула ему руку, а он отряхнул грязь с ладошки и посмотрел мне в глаза.

– Глазастая какая! У-у-ух!

Он помог мне подняться, забрал рюкзак и повел к дому, предварительно спросив, где я живу. Сдал он меня в руки бабушки. Она поблагодарила его за помощь. А потом устроила взбучку. Конечно, она была права, что я рассеянная, вся в себе, и думать надо, и под ноги смотреть. А я не могу иначе, иду и мечтаю, и придумываю что-то. Историю какую-нибудь разыгрываю, и я главная героиня. И меня все-все любят, так любят, что и представить себе нельзя. А с Настей наоборот никто не дружит, и все девочки стараются сказать что-то обидное, чтобы она заплакала. Она и плачет, она, а не я вовсе. Да я и не плачу при них. Только дома, одна в комнате, когда вспоминаю все. В мечтах же я никогда не плачу, потому, что все видят какая я красивая. Вот и сейчас я опять не слушаю бабушкины нотации, а она говорит и говорит.

Я соглашаюсь с бабушкой, пока она отмывает мне коленки, и бабушка замазывает их зеленкой.

Я делала уроки, когда услышала, что бабушка рассказывала маме о нашем новом соседе Владимире.

– Представляешь, Галя, привел нашу Машу непутевую, разбилась она. Ворон считала, как всегда. А он хорош, вот парень так парень.

– Да видела я его, мама. Все аж внутри перевернулось. До чего мил. Машку привел, что ж, молодец.

Во сне я видела его глаза, но принадлежали они вовсе не ему, а какому-то щенку, которого я кормила молоком из блюдечка. Милому такому щеночку.

Наутро в школу идти не хотелось. Настя там. Вот, вроде, и понимаю умом, что не надо реагировать, пусть дразнят, пусть говорят, а обидно... если бы кто знал, как обидно. Прямо жить не хочется. Вот они знают и дразнят поэтому. Но куда деваться, собралась, выслушала бабушку – чтобы под ноги смотрела – и пошла.

Только из подъезда выскочила, как услышала голос сверху, с балкона на втором этаже.

– Доброе утро, Маша! Коленки-то твои как?

Я посмотрела вверх, на мужчину, стоящего на балконе и курящего сигарету. И тут в глаза мне засветило солнце, голова немного закружилась, я оступилась и попой уселась в клумбу. А клумбу только что перед работой соседка наша полила и земля была еще совсем мокрая.

– Вот горе луковое! – услышала его крик. А потом он, выскочив из подъезда, подбежал ко мне и поднял на руки.

– Маша! Ты на ногах стоять умеешь? Больно?

– Немного, это солнце ослепило, понимаешь? К тебе на ты можно?

Я так была ему рада. Очень очень.

– Можно. Мы с тобой друзья, как я понимаю. Домой?

– Нет, Володечка, я тебя буду Володечкой называть, мне так нравится.

– Называй, а я тебя буду звать – горе луковое. Что тебя, земля не держит? Так домой к бабушке?

– Нет. Бабушка заругает. Мне в школу надо.

– У тебя юбка грязная, Машка-замарашка.

– Вот и ты туда же, и ты дразнишься, – на глаза навернулись слезы.

– Не, Маш, это я так, чтобы настроение тебе поднять. Пошли к бабушке. Юбку поменяешь, а я пока оденусь и по дороге на работу отведу тебя в школу.

– А ты не можешь Насте сказать, что ты мой папа?

– Папа? А где твой папа?

Я лишь пожала плечами.

– У меня нету папы и не было никогда.

– Так не бывает, Маша. У всех людей есть два родителя: папа и мама.

– А у тебя?

– И у меня есть. Только живут они в другом районе, а я – здесь. Потому что, когда дети вырастают, они должны жить отдельно от родителей. Ты в школу опоздала, болтушка. Пошли к бабушке и потом – ко второму уроку.

Что я выслушала от бабушки, лучше не передавать. Еще и по попе получила. Спас меня Володя. Он переоделся. Надел костюм, рубашку с галстуком и зашел за мной, чем прервал бабушкин поток брани.

– Готова? – спросил он.

– Готова, – ответила я.

Бабуля поблагодарила его за участие и заботу обо мне, непутевой, и он отвел меня в школу.

Вот так в моей жизни появился самый лучший друг. Вот самый-самый лучший!!!

Мама

Новый сосед стал частым гостем в нашем доме. Мама была ему всегда очень рада: поила, кормила. Они с ней мило болтали на кухне, пока бабушка смотрела телевизор, а я делала уроки.

Моему другу-Володечке оказалось двадцать шесть лет. Он работал в каком-то главке. Не знаю я, что такое главк. Но на работу он в костюме ходит, значит, в офисе сидит, в главном, вот потому и главк. Я так думаю.

Я любила его, гордилась им, ведь он был моим другом, единственным, взрослым, ни у кого такого друга из девчонок в классе больше не было. Только у меня. Он дарил мне подарки, ходил со мной и мамой по магазинам. Он вообще как будто поселился в нашем доме. А я что? Я рада.

Бабуля стала мягче, не орет. Мама меня даже замечает. И не только замечает, а обнимает и целует, радуется, когда я рядом. И нет ее постоянного: «Машка, закрой дверь с той стороны! Ну не мешай ты мне, Машка!» А чему я мешаю? Болтать с подружкой да плакаться о жизни? Что денег не хватает, что работает как проклятая, а я только колготки рву и расту так, что она только мне на одежду и тратится? А так много самой хочется, она ведь молодая, ей всего двадцать восемь.

Так вот с появлением Володечки все стали счастливы, и разговоры стали другие. Теперь меня водят на выставки, на концерты, одевают как куклу. У меня новая школьная форма, – Володечка купил. Он провожает меня до школы, иногда один, а иногда с мамой. Пусть Настя смотрит, да и другие тоже. У меня вот какой защитник!

И девчонки дразниться перестали. А Настя меня спросила:

– Этот мужчина будет твоим отчимом?

– Не знаю, – честно ответила я.

– Я видела их с твоей мамой, они целовались. А кто твой настоящий отец?

– Не знаю, – снова ответила я.

– Ну и дура ты, Машка! Все не знаю, да не знаю. Вот мама твоя выйдет за него замуж, они своего ребенка родят, и ты им не нужна будешь. Ты бы отца своего нашла. Может, ему нужна.

«И чего она обо мне так заботится?» – подумала я. Но где-то в глубине души поняла, что она права, должен быть у меня настоящий отец.

– Я спрошу у мамы, а откуда ты все это знаешь? И Володечка хороший, он меня любит, – поинтересовалась я.

– Дура ты лупоглазая, не тебя он любит, а маму твою. Так мои родители говорили, а они у меня умные.

– Да, конечно.

Я загрустила: раз Настины родители говорили, значит, все серьезно, все не спроста. Да я бы от братика не отказалась. Вот сколько раз говорила о братике с мамой, все слышала в ответ: «Мне одной безотцовщины хватает». А теперь у нее есть Володечка. Надо с ним поговорить.

Я еле дождалась окончания уроков, потом вечера. Домашку всю сделала, все честь по чести, и устные выучила. Только мамы не было и Володечка не приходил. Спросила у бабушки, а та сказала, что они в гостях у его друзей. И остался мой вопрос без ответа. Но ничего, ведь наступит завтра и все решится.

Я не знаю, когда вернулась мама, – спала. На следующий день разговор снова не состоялся. Тогда я решила выяснить, кто мой отец. А если действительно стану не нужна маме, то меня заберет Володечка, а если нет, то настоящий отец.

Но лучше бы Володечка, конечно.

– Бабуля, а ты моего папу видела?

– Лучше б не видела, прости Господи.

– Ну он же был?

– Конечно был, не святым же духом тебя надуло.

– А он какой?

– Дурной он, чего пристала?

– А почему дурной? Может, он поумнел?

– Ох, Мария, и ты вон в него дурная. Ну что пристала-то? Молодые они были.

Больше она ничего не сказала, а я поняла, что молодым нельзя заводить детей. Интересно, а когда перестают быть молодыми? Мама родила меня в девятнадцать, это рано, а вот в двадцать, это в самый раз? Двадцать – это много, точно не молодость. Так кто же мой отец? Спрошу у мамы или у тети Наташи, маминой подруги. Вот она мне все и расскажет.

Тетя Наташа позвонила маме, когда той не было дома.

– Машка, что, загуляла твоя мамашка? Смотри, я прям стихами заговорила.

– Она с Володечкой, – гордо ответила я.

– А Володечка этот хоть не такой козел, как отец твой?

– Володечка хороший. Не беспокойтесь. Тетя Наташа, а Козел, это фамилия моего папаши?

– Ты дурочка или шутишь? Фамилия твоего папаши – Кривцов, они учились на одном курсе, Славик Кривцов. Только бросил он ее. Ему было рано. А – алкаш!

– Тетя, Наташа, а живет он где?

– Так там же, где и жил, на Восьмой Парковой, дом тридцать, тебе зачем? Мать, что адрес забыла? Что ты там напридумывала, дурочка малолетняя?

Я расстроилась, еще бы квартиру узнать. Но тетя Наташа после сочной фразы в мой адрес и не менее сочной в свой, отключилась.

Я была явно не Кривцовой и не Вячеславовой. Моя фамилия была от сохи, от земли русской. Иванова я. Обладатель самой изысканной фамилии на Руси. Иванова Мария Сергеевна. К слову сказать, моя мама была Иванова Галина Сергеевна. Так что мы с ней прям как сестры.

К папаше я решила съездить. Квартиру найду. Район старый – соседи подскажут. Вот только одной туда ехать страшновато. Я одна так

далеко еще не ездила, и вопрос очень деликатный, чужого человека не посвятишь. А папашу видеть хочется, хоть я в него такая непутевая. Ведь все говорят, что непутевая.

Я лежала в кровати и мечтала. Уже видела, как обрадуется мой настоящий отец, узнав, что у него есть дочь, как будет всем представлять меня и гордиться, как мы поедem на море, и он прокатит меня на паруснике... дальше парусника мои мечты не пошли. Я никогда не была на море.

Мама вернулась поздно, забежала ко мне в комнату, чмокнула в лоб и радостным шепотом заговорила:

– Спишь? Вот и хорошо, что спишь. Если бы ты знала, Машка, какая я счастливая! Неужели мечты сбываются?!

Я приоткрыла глаза и спросила:

– Мама, а все мечты сбываются?

– Все, если очень хотеть. Я и не думала, что так бывает, уже и надеяться перестала, а все так хорошо, так хорошо, ты, дурочка, и представить себе не можешь!

– Что же хорошо, мамочка?

– Хорошо, что я его встретила. Понимаешь?

– Володечку?

– Да нет, Володя так: он один, я одна, а вот Герман! Герман – это другое. Влюбилась я, Машка, вот прям больше жизни!

– Чьей жизни, мамочка?

– В смысле? Что значит – чьей? Вообще больше жизни. Да ты еще в любви ничего не понимаешь.

Она ушла к себе, а я расстроилась, что влюбилась она не в Володечку. Он же с нами. И Настя говорила, что он с нами, и замуж за него мама должна. А тут оказался не он. А вдруг этот Герман совсем не такой, как Володечка! И что тогда делать? А вдруг мама в нем ошибается, и он будет такой же козел, как мой папаша?

Я встала и прошла в комнату мамы. Залезла к ней в кровать и уснула рядом с ней, так ни о чем не спросив и ничего не выяснив. Но зато